

Николай Чуклинов

Секененра Таа

Николай Чуклинов

Секененра Таа

«Автор»

2026

Чуклинов Н.

Секененра Таа / Н. Чуклинов — «Автор», 2026

Египет на краю. Гиксосы держат север, Фивы — последний оплот, а на троне — царь, который не может встать. Фараон Секененра парализован, и его молчание становится громче любого приказа: ведь фараон — это не просто человек на троне, он и есть порядок, Маат. Пока он жив, но не может править, страна трещит по швам, и каждый день приближает её к гибели. Это история о том, как держится мир: не криком, не мечом, а одним медленным морганием. О цене порядка и о человеке, который всю жизнь собирал правду по крупицам — и в финале сам становится её хранителем, обречённым молчать. Писец Хори — тот, кто научился слышать беззвучное. Для него язык царя — это медленный моргание: один раз — «да», два — «нет». И однажды этого оказывается достаточно, чтобы рухнула власть жреца, посмеявшегося говорить от имени неба. Но победа в зале — лишь короткая оттепель. Потому что пока живой царь не может править, его сын не может занять трон, и трещина в мире только растёт.

© Чуклинов Н., 2026

© Автор, 2026

Николай Чуклинов

Секененра Таа

Секененра Таа

Пролог

Фивы, 1560 год до нашей эры. Сезон ахету, месяц первый.

Послание пришло на закате — в тот час, когда солнце уже не греет, а только красит западный край неба в цвет старой меди, и длинные тени колонн ложатся поперёк тронного зала, как решётки на полу тюрьмы.

Гонец — высокий, худой, с лицом, обветренным до состояния старой кожи, — вошёл, шатаясь, и рухнул на колени у входа. Он не встал. Может, не мог. Может, не смел. Его сандалии были стёрты до ремней, на голених запеклась дорожная пыль, смешанная с кровью, — он бежал и падал, бежал и падал, всю дорогу от границы. В вытянутых руках он держал свиток, запечатанный глиняной печатью с изображением чуждого змея.

Тот самый змей, которого гиксосы почитали вместо священных крокодилов. Тот самый, чьё шипение слышалось в каждом их требовании, в каждой их подати, в каждом их шаге по земле, которая когда-то была только египетской.

В зале пахло ладаном — густо, чуть сладко, так, что подташнивало с непривычки. Но ладан не мог перебить другого запаха: старого дерева, пыли и сырости, что годами копилась в трещинах стен. Где-то в дальнем коридоре ровно, с бесконечным терпением капала вода. Жрецы уже предупреждали: ещё один сильный дождь — и потолок не выдержит. Секененра слышал это капанье каждый вечер и давно перестал его замечать. Сегодня оно почему-то звучало громче.

Секененра Таа II, правитель Верхнего Египта, двадцать шестой год жизни, сидел на троне из чёрного дерева и слоновой кости. Трон был выше, чем нужно, — его сделали для человека крупнее. Секененра был невысок. И каждый раз, поднимаясь на него, он чувствовал себя не владыкой, а тем, кто взобрался на чужую скалу и боится сорваться.

Он не спешил брать свиток. Сначала он смотрел на гонца — на его дрожащие руки, на то, как он не поднимает глаз, на то, как его дыхание вырывается короткими, рваными толчками. Потом — на своих советников, стоявших вдоль стен. Их было семеро. Он знал каждого с детства, знал их жен, их долги, их привычки.

Правый советник, старый Мериптах, теребил край своего одеяния — быстро, мелко, будто отряхивал невидимую пыль. Левый, молодой Инени, смотрел в пол так упорно, будто надеялся, что пол разверзнется и унесёт его отсюда. Кто-то за спиной едва слышно шептал молитву Амону — не словами, а одним движением губ, чтобы никто не заметил.

В их взглядах он читал одно и то же: страх. Страх перед гиксосами, перед их колесницами, перед их бронзовыми мечами, перед их царём, который сидел в Мемфисе и правил Дельтой, как правит хозяин — чужим домом.

— Читай, — сказал Секененра, указывая на главного писца.

Писец развернул свиток. Его голос дрогнул, когда он начал читать:

— «Апофис, царь Хет-Уарта, повелитель Дельты, владыка Двух Земель...»

— Он не владыка Двух Земель, — тихо перебил Секененра. — Нижний Египет принадлежит гиксосам. Верхний — нам. Это не Две Земли. Это две половины одной страны, и одна из них в руках захватчиков.

Писец замолчал, ожидая. Секененра кивнул.

— Читай дальше.

— «...повелевает тебе, Секененра, правителю Юга, сей же час убрать бегемотов из священного озера Фив. Ибо их шум не даёт мне покоя в Мемфисе, и я не могу спать по ночам.

Их рёв проникает сквозь стены моего дворца, и я требую, чтобы их не было. Сделай это — и я оставлю тебя в покое. Не сделаешь — я приду и убегу их сам, а заодно и тебя».

Писец опустил свиток. В зале повисла тишина — и в этой тишине стало слышно, как кто-то сглатывает. Как капает вода в дальнем коридоре. Как бьётся о стену ветер.

Секененра медленно поднялся с трона. Он был невысок ростом, но в этот миг казалось, что он заполняет собой весь зал. Его лицо оставалось спокойным, но пальцы сжимали подлокотник трона так, что костяшки побелели.

— Они хотят, чтобы я убегу бегемотов, — сказал он. — Из священного озера. Потому что они мешают ему спать.

Он шагнул к писцу. Подошёл близко, так, что видел, как под глиняной печатью дрожит рука писца. Взял свиток и прочитал его сам — медленно, водя взглядом по строкам, будто хотел убедиться, что там не написано чего-то другого, чего-то, что можно было бы принять, проглотить, стерпеть. Нет. Всё так, как он слышал.

И в тот момент, когда его пальцы коснулись холодной глины печати, он почувствовал, как внутри поднимается что-то тяжёлое и горячее — не страх, а гнев, старый, как Нил. Он узнал это чувство. Оно приходило к нему ещё в детстве, когда гиксосские всадники въезжали во двор храма и смеялись над жрецами, а мать закрывала ему глаза ладонью и шептала: «Не смотри. Ещё не время». Теперь время было.

Он усилием воли погасил это чувство — как гасят лампу, накрыв её ладонью. И поднял глаза на советников.

— Бегемоты в озере Фив — это не животные. Это боги. Это власть. Это напоминание о том, что Египет был и будет. Они хотят, чтобы я убегу богов, потому что их собственные боги молчат. Они хотят, чтобы я стёр память о том, что эта земля принадлежит нам. И они говорят мне: «Сделай это, и мы оставим тебя в покое».

Он разорвал свиток пополам. Потом ещё пополам. Ключки папируса упали на пол — и один из них, тот, где был оттиск змея, лег прямо у ног старого Мериптаха. Тот не посмел его поднять.

— Я не буду убегу бегемотов, — сказал он тихо, но его голос разнёсся по всему залу. — Я не буду служить гиксосам. Я не буду кланяться их царю, который не может уснуть из-за рёва египетских богов.

Он повернулся к начальнику стражи:

— Прикажи готовить войско. Я иду на север. Я иду на Мемфис. Я иду на Апофиса. И я не вернусь, пока не верну Египту его землю.

Начальник стражи опустил голову. Он был старше фараона, и его руки помнили кровь трёх походов. Но сейчас эти руки висели вдоль тела, как чужие.

— Владыка, их воины сильнее. У них колесницы, у них бронза, у них железо. У нас — только копья и луки. Мы не выстоим.

Секененра посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Если мы не выстоим, — сказал он, — то хотя бы умрём как люди, а не как рабы. Готовьте войско.

Он вышел из зала, и его шаги гулко разносились по пустым коридорам дворца. За его спиной советники переглядывались. Никто не знал, что сказать. Никто не знал, что делать. Они знали только одно: их фараон только что начал войну, которую они не могут выиграть.

Но они не знали, что Секененра уже сделал свой выбор. Не между победой и поражением. Между позором и смертью. И он выбрал смерть.

Глава 1. Южный царь

Фивы, 1560 год до нашей эры. Два дня спустя.

Дворец в Фивах не был величественным. Он был старым, потрёпанным временем и войнами. Его стены, сложенные из необожжённого кирпича, хранили следы пожаров, которые гиксосы устраивали в прошлых набегах. Колонны, поддерживающие потолок в тронном зале, были покрыты трещинами, и жрецы уже не раз предупреждали фараона: ещё один сильный дождь — и зал может обрушиться.

Но Секененра любил этот дворец. Он вырос в нём. Его отец, его дед, его прадед — все они сидели на этом троне и смотрели на тот же самый Нил, который сейчас, за окнами дворца, медленно и величаво нёс свои воды на север, к Дельте, к гиксосам, к Мемфису.

А за стенами дворца жили Фивы.

Он знал этот город не по свиткам и не по докладам писцов. Он знал его на ощупь — потому что мальчишкой убегал из дворца на рынок, и никто из стражников не смел его выдать, и он возвращался домой с липкими от мёда пальцами и запахом жареной рыбы в складках одежды.

Сейчас, стоя у окна, он слышал этот город — не глазами, а ушами и кожей.

Кричал торговец рыбой, расхваливая улов так, будто от этого зависела его жизнь. Отвечал торговец хлебом — глухо, как бьют по тесту, привычно, без надежды. Где-то на соседней улице визжали дети, играя в какую-то свою игру, и их визг был единственным звуком в Фивах, в котором не было страха. Пахло дымом от очагов, сушёной рыбой, потом ослов и — тонкой, почти неуловимой ноткой — речной водой, той самой, от которой некуда деться ни одному египтянину.

Фивы жили. Но жили они, как живёт человек, который привык к чужому сапогу у своей двери: осторожно, вполголоса, не поднимая глаз.

Секененра слушал этот город и думал о том, что страх — это не крик. Страх — это тишина. Страх — это когда на рынке шутят так, чтобы не сказали лишнего. Когда мать одёргивает ребёнка, который громко спросил, почему у нас на стенах нет таких красивых повозок, как у чужих дядей. Когда жрец в храме Амона читает молитву чуть быстрее, чем нужно, потому что торопится вернуться домой до темноты.

Он стоял у окна и смотрел на реку. Его руки лежали на подоконнике. Пальцы были сжаты — не в кулак, а так, будто он пытался удержать что-то невидимое. Может быть, время. Может быть, надежду.

За его спиной стоял Хаемвасет, главный жрец Амона. Он был стар — гораздо старше фараона. Его лицо было испещрено морщинами, а глаза, запавшие и тёмные, казалось, видели дальше, чем любой смертный.

— Ты действительно собираешься идти на север? — спросил жрец. В его голосе не было осуждения. Только вопрос.

— Я уже послал гонцов, — ответил Секененра, не оборачиваясь. — Войско собирается у южных ворот. Через месяц мы выступим.

— Ты знаешь, что это безумие.

— Знаю.

— Ты знаешь, что мы не можем победить.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Секененра повернулся к жрецу. В его глазах не было гнева. Была только усталость — глубокая, как Нил.

— Потому что если я ничего не сделаю, то через год они потребуют, чтобы мы убрали из храмов статуи Амона. Потому что они мешают им молиться. А через два года они потребуют, чтобы мы сами ушли из Фив. Потому что мы мешаем им править.

Он сделал шаг к жрецу.

— Я знаю, что мы не можем победить. Но если я не пойду, они подумают, что мы боимся. Они подумают, что мы сдались. Они будут давить всё сильнее, пока не сотрут нас в пыль. Если я пойду, они увидят: египтяне ещё умеют сражаться. Пусть даже это будет последняя битва.

Хаемвасет молчал. Он смотрел не на фараона, а на свои руки — старые, в тёмных пятнах, руки человека, который всю жизнь держал только курильницу и посох. Потом кивнул.

— Я благословлю твоё войско, — сказал он. — И я буду молиться, чтобы боги дали тебе сил.

— Сил у меня достаточно, — ответил Секененра. — Мне нужно, чтобы они дали мне удачу.

Он снова повернулся к окну. Нил всё так же тёк на север. Где-то там, за горизонтом, сидел Апофис и требовал убрать бегемотов. Секененра знал: он не вернётся из этого похода. Но он не хотел возвращаться. Он хотел только одного — чтобы его дети запомнили его не как того, кто молчал, а как того, кто поднял меч.

Благословение жреца было для войска. А ему сейчас нужно было другое — то, чего не даст ни Хаемвасет, ни совет, ни стены тронного зала. И ноги сами понесли его по коридору, мимо покоев жены, туда, где за низкой дверью, обитой потемневшей кожей, была комната его сыновей.

Камос и Яхмос не ждали его. Камос стоял у окна — старший, уже с плечами мужчины, с тем самым огнём в глазах, который Секененра узнавал в себе и который одновременно радовал и пугал его. Яхмос сидел на полу, скрестив ноги, и что-то вырезал из куска дерева — неровно, старательно, высунув от усердия кончик языка.

Когда отец вошёл, Камос обернулся первым. Яхмос вскочил так быстро, что уронил своё деревянное нечто и не стал поднимать.

— Отец, — сказал Камос. Это было не приветствие. Это был вопрос.

— Сядьте, — сказал Секененра.

Он сам не сел. Он подошёл к стене и снял с неё меч — свой старый меч, тот, что висел здесь годами и был скорее памятью, чем оружием. Меч был из бронзы, тяжёлый, с потемневшей рукоятью, обмотанной кожей, которая стерлась до блеска на том месте, где её сжимали чужие пальцы.

Он держал его в руках, взвешивая, будто впервые.

— Знаете, почему этот меч тяжёлый? — спросил он, не глядя на сыновей.

— Потому что он из бронзы, — сказал Камос.

— Нет.

Яхмос подался вперёд, широко раскрыв глаза.

— Потому что он боевой?

— Нет.

Секененра поднял меч, повернул его так, чтобы лезвие поймало свет из узкого окна. На металле виднелись крошечные зазубрины — следы чужого боя, чужой крови, чужой смерти.

— Он тяжёлый потому, что в нём кровь наших предков, — сказал он тихо. — Каждый, кто держал его до меня, оставил в нём частицу себя. Мой отец. Его отец. Его отец. И когда я беру его в руки, я беру их всех. Вот почему он тяжёлый. Вот почему его нельзя держать легко.

Он опустил меч и посмотрел на сыновей.

— Держите его крепко, — сказал он. — Но помните: иногда самое смелое — это не поднять меч, а не опустить его на того, кто слабее. Тот, кто умеет убивать, — это ещё не воин. Воин — тот, кто знает, когда убивать не надо.

Камос смотрел на него напряжённо, как смотрят люди, которые пытаются запомнить каждое слово, чтобы потом, годы спустя, достать его из памяти и перечитать. Он не перебивал. Он даже не дышал громко.

Яхмос, наоборот, слушал с горящими глазами — и Секененра видел, что мальчик ещё не понимает всей тяжести этих слов. Он слышит «меч», «предки», «смелость» — и уже видит себя на коне, в доспехах, с поднятым оружием. Это пройдёт. Или не пройдёт — и тогда это будет опасно.

— Отец, — сказал Камос, — ты идёшь на север.

Это не был вопрос. Весь город знал. Весь город шептался об этом у колодцев и на рынке, и слухи дошли до комнаты сыновей раньше, чем до них дошёл отец.

— Да, — сказал Секененра. — Я иду на Апофиса.

— Я пойду с тобой.

— Нет.

— Почему? — Камос встал. Голос его дрогнул — впервые за весь разговор. — Мне уже семнадцать. Я умею держать копье. Я умею стрелять. Я не мальчик.

— Я знаю, что ты не мальчик, — сказал Секененра спокойно. — Именно поэтому ты останешься.

Он шагнул к сыну и положил руку ему на плечо — тяжело, как кладут руку не для ласки, а чтобы удержать человека на месте.

— Слушай меня. Если я уйду и не вернусь — а я не вернусь, — кто останется? Твоя мать. Твой брат. Фивы. Всё, что мы есть. Если мы оба погибнем там, на севере, то гиксосы придут сюда и не встретят никого, кроме стариков и детей. Ты — не воин в моём войске. Ты — то, что останется после меня. Понимаешь?

Камос молчал. Его челюсть была сжата так, что желваки ходили под кожей.

— Я не хочу оставаться, — сказал он наконец, глухо. — Я хочу быть с тобой.

— Я знаю, — сказал Секененра, и в его голосе впервые за долгое время появилась теплота — та самая, которую он прятал даже от себя. — И это самое трудное. Остаться, когда хочется идти. Ждать, когда хочется драться. Быть тем, кто живёт, когда хочется умереть рядом. Это тяжелее, чем меч. Тяжелее, чем всё, что я делал в своей жизни.

Он отпустил плечо сына.

— Я не прошу тебя быть мной. Я прошу тебя быть тем, кто продолжит. Когда-нибудь ты поймёшь, что это одно и то же.

Яхмос, всё это время сидевший молча, вдруг сказал:

— А я?

Секененра обернулся к младшему. Тот смотрел на него снизу вверх, и в его глазах была не обида, а что-то другое — страх, что его тоже оставят в стороне, что он слишком мал, чтобы быть нужным.

Секененра присел перед ним на корточки — так, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— А ты, — сказал он, — будешь слушать брата. Будешь учиться. Будешь запоминать всё, что видишь, — и плохое тоже. Особенно плохое. Потому что придёт день, когда тебе понадобится не сила, а память. И тогда ты вспомнишь всё, что мы с тобой говорили в этой комнате, и это спасёт тебя.

Он помолчал и добавил тише, только для Яхмоса:

— И ещё. Когда я уйду — не плачь при людях. Плачь, если нужно, но не при людях. Пусть они видят, что сыновья фараона умеют держать спину. Это тоже оружие. Иногда — самое сильное.

Яхмос кивнул. Серьёзно, по-взрослому, хотя подбородок у него дрожал.

Секененра поднялся. Он посмотрел на обоих сыновей — на одного, который уже был почти мужчиной, и на другого, которому ещё предстояло им стать, — и почувствовал, как в груди что-то сжалось и не отпустило. Он хотел сказать им что-то ещё. Что-то большое, важное,

такое, что они запомнили бы на всю жизнь. Но слов не было. Было только это сжатие — и он знал, что сыновья его чувствуют.

— Идите к матери, — сказал он наконец. — Сегодня мы ужинаем все вместе.

Он вышел и закрыл за собой дверь. За дверью было тихо — ни один из сыновей не сказал ни слова.

А в коридоре, у самого выхода, его ждала Исида. Она не подслушивала — просто стояла. В конце коридора, в полутьме, где не доставал даже свет из щелей, и, наверное, ждала его здесь всё это время. По её лицу он понял, что она уже знает, что он сказал сыновьям. Она всегда знала раньше, чем он успевал произнести.

Исида была его женой, матерью Камоса и Яхмоса. Её лицо было бледным, но глаза — спокойными, как у женщины, которая давно смирилась с тем, что её муж не проживёт долго.

— Ты едешь, — сказала она. Это не был вопрос.

— Завтра, — ответил Секененра. — Войско выступает на рассвете.

— Ты вернёшься?

Он хотел сказать «да». Хотел утешить её, как утешают женщин, которым суждено остаться вдовами. Но он не мог лгать.

— Нет, — сказал он просто. — Но я верну Египту его честь.

Исида подошла к нему. Она не заплакала — она давно выплакала всё, что могла, в те ночи, когда он не видел. Она положила руку на его плечо. Её пальцы были холодными, но прикосновение было твёрдым.

А потом она сделала то, чего он не ожидал: сняла с шеи маленький амулет — скарабея из синего камня, потёртого от времени, — и, поднявшись на носки, застегнула тонкий шнур у него на груди. Её пальцы на секунду задержались на его воротнике, поправляя складку, будто она собирала его не на войну, а на праздник.

— Это принадлежало твоей бабке, — сказала она тихо. — Она говорила, что он приносит удачу тому, кто не врёт сам себе. Ты не врешь. Значит, он твой.

Секененра хотел возразить — амулет был женский, и воину не пристало носить такое. Но он не стал. Он молчал и чувствовал, как холодный камень ложится на грудь, прямо над сердцем.

— Тогда иди, — сказала Исида. — И помни: твои сыновья будут смотреть на тебя. Они будут помнить, что ты сделал. Они продолжают твоё дело.

Секененра обнял её. Они стояли так долго, не говоря ни слова. Потом он отпустил её и вышел из комнаты.

Его ждало войско.

Глава 2. Сбор

У южных ворот Фив земля уже была вытоптана до твёрдой, как камень, корки. Здесь не росла даже жёсткая трава — только пыль, которая поднималась облаками при каждом шаге и оседала на коже, на одежде, на бронзовых наконечниках копий.

Войско собиралось не как единое целое, а по частям — будто город отдавал себя по лоскутам. Отряд из деревни у порогов Нила пришёл первым. Эти люди привыкли к рёву воды и к тому, что земля под ногами дрожит от течения. Они не боялись крови — для них резать было так же естественно, как молотить зерно. Их копья были старыми, но заточенными до бритвенной остроты, а щиты — из толстой кожи бегемота, прошитой сухожилиями. Они стояли плотной группой, не смешиваясь с другими, и говорили между собой тихо, почти шёпотом, будто даже голос мог спугнуть удачу.

Рядом, чуть в стороне, топтались воины из храмового хозяйства Амона. Эти привыкли к тишине молитв и к запаху ладана, а не к запаху пота и железа. Их оружие было новым — писцы

храма заранее заказали бронзу, зная, что рано или поздно день придёт. Но руки у этих воинов дрожали не от страха, а от непривычки. Один из них, совсем молодой, всё время поправлял ремень на щите, будто надеялся, что если он будет сидеть ровно, то и сам он станет храбрее.

А позади всех, у самой кромки дороги, стояли ветераны. Те, кто помнил ещё деда Секененры и видел, как гиксосы впервые въехали на своих колесницах в Дельту. У них не было ни лишней бронзы, ни новых щитов. Их сила была в другом — в том, что они уже знали, как пахнет смерть, и не делали вид, что её не существует. Старый сотник по имени Нехеси стоял, опершись на копье, и смотрел на ворота так, будто видел сквозь них не дорогу на север, а всё, что ждёт впереди.

— Они думают, что мы идём побеждать, — тихо сказал он одному из молодых, когда тот прошёл мимо, слишком гордо выпятив грудь. — А мы идём напоминать. Напоминать, что Египет ещё дышит.

Обоз тянулся длинной змеей: волы, нагруженные мешками с ячменём, кувшинами с пивом и водой, связками стрел. Женщины из города сновали между отрядами, передавая последние слова, последние лепёшки, последние слёзы.

У одного из повозок стояла женщина в выцветшем льняном платье. Она молча завязывала на запястье мужа красную нить — простой оберег, который ничего не стоил, но который должен был держать его живым. Он смотрел на её руки и не мог сказать ни слова. А когда она закончила, он просто кивнул, взял её за плечи, крепко, но бережно, и прижал к себе на один короткий миг — так крепко, будто хотел запомнить, как она пахнет. Потом отпустил и шагнул к своему отряду. И в этом шаге было всё: и прощание, и обещание вернуться, и признание, что он может не вернуться.

Мальчик лет десяти подбежал к отцу и протянул ему гладкий камешек.

— Это чтобы ты не забыл дорогу домой, — сказал он, глядя в землю, чтобы не видеть, как отец плачет.

Отец взял камешек, сжал его в кулаке так, что побелели костяшки, и сунул за пазуху.

— Я не забуду, — сказал он. — Ни за что.

Чуть в стороне от основной толпы, обособленно, как отдельный островок тени среди пыли, стояла группа нубийских наёмников. Они не суетились, не перешёптывались, не поправляли ремни. Их движения были скупыми и точными, как у хищников, которые знают: лишние жесты — это слабость. Луки с изогнутыми рогами лежали у них на сгибе локтя, мечи висели низко и удобно — так, чтобы выхватить одним движением. Их кожа отливала тёмной медью, а глаза смотрели прямо, без подобострастия и без вызова — просто оценивающе, как смотрят те, кто привык видеть врага раньше, чем тот заметит их.

Во главе отряда стоял высокий нубиец с лицом, исчерченным тонкими шрамами — не боевыми, а ритуальными: каждый шрам означал клятву, которую он сдержал. Его звали Кашем. Он не кланялся, но и не выпячивал грудь — он просто стоял ровно и ждал, когда фараон подойдёт сам.

Секененра стоял на невысоком холме, откуда было видно всё поле у ворот. Он не кричал приказов, не махал руками, не пытался казаться величественнее, чем был. Он просто стоял и смотрел, как собирается его армия — не из героев, а из людей, у которых есть дома, семьи и страхи.

Когда он спустился с холма, его путь сам собой лёг мимо нубийцев. Кашем чуть наклонил голову — единственный знак уважения, который он позволял себе.

— Ты знаешь, куда мы идём, — сказал Секененра, глядя не на мечи и не на луки, а в глаза Кашему. — Ты знаешь, кто нас ждёт. Колесницы, бронза, железо. И ты знаешь, что я не обещаю тебе победы. Я не могу обещать того, чего не властен дать.

Кашем не отвёл взгляда.

— Мы не просим победы, владыка, — ответил он спокойно, низким голосом, в котором не было ни лести, ни пафоса. — Мы просим чести. Чести стоять там, где стоять труднее всего. Чести не отступить, когда другие побегут. Мы пришли не за золотом. Мы пришли, потому что ты — фараон Египта, а Египет сейчас должен показать, что у него есть спина.

Один из нубийцев, молодой, но с глазами старого бойца, шагнул вперёд и ударил ладонью в грудь — не громко, но твёрдо, как бьют в барабан, чтобы собрать отряд.

— Мы с тобой, фараон! — крикнул он, и голос его прозвучал не как крик толпы, а как удар клинка о камень — резко и ясно. — Если ты пойдёшь вперёд — мы пойдём впереди. Если ты остановишься — мы встанем стеной.

Остальные нубийцы не подняли криков, не вскинули мечи. Но каждый из них на секунду задержал дыхание, а потом синхронно, как по команде, чуть наклонили головы — не в поклоне, а в подтверждении: мы здесь. Мы готовы.

К Секененре подошёл начальник обоза — плотный, невысокий человек с лицом, обожжённым солнцем до цвета старой бронзы.

— Владыка, припасов хватит на месяц пути, если экономить воду. Дальше — только то, что сможем взять у врага.

— У врага мы ничего не возьмём, — спокойно ответил Секененра. — Мы идём не грабить. Мы идём сражаться.

Начальник обоза кивнул. Он не спорил. Он знал, что фараон говорит не для него, а для себя самого — чтобы не дать себе поверить в то, во что верить нельзя.

— Тогда будем экономить, — сказал он просто. — И молиться, чтобы Нил не пересох.

Где-то в задних рядах кто-то тихо запел — старую походную песню, которую пели ещё во времена его деда. Голос был неуверенным, но к нему тут же присоединился второй, потом третий. И вот уже над вытоптанном полем поплыла мелодия — не торжественная, не победная, а простая, рабочая, как стук молота по наковальне.

Секененра слушал её и думал о том, что это и есть его войско. Не стройные ряды, не сверкающие доспехи, не грозные колесницы — а люди, которые поют, чтобы не слышать, как дрожат их собственные руки. Люди, которые идут на север, зная, что там их ждёт враг, у которого есть бронза, железо и колесницы. Но у них есть другое — земля, которую они защищают, и память о тех, кто стоял здесь до них.

Он спустился с холма и подошёл к отряду ветеранов. Нехеси увидел его и хотел было выпрямиться, но Секененра жестом остановил его.

— Не надо, — сказал он тихо. — Сегодня мы все равны. Сегодня мы все идём туда, откуда можем не вернуться.

Нехеси кивнул. В его глазах не было страха. Только усталость и решимость.

— Мы помним, владыка, — сказал он. — Мы помним, как это делается.

— Тогда веди, — сказал Секененра. — Пусть они идут за тобой. Пусть видят, что даже старые могут идти первыми.

И тогда старый сотник поднял копьё — не для удара, а как знак. И отряд двинулся вперёд. За ним потянулись остальные — отряд с порогов, храмовые воины, обоз.

Земля дрожала не от грохота колесниц, а от шагов тысяч ног. Это был тяжёлый, медленный, но уверенный шаг — шаг людей, которые знали, куда идут, и знали, что могут не вернуться.

Когда последний отряд прошёл мимо, Секененра ещё раз оглянулся на Фивы. Город стоял на фоне неба, как старая крепость, которую строили не для красоты, а чтобы она держалась. Он посмотрел на окна дворца, на колонны, на реку, которая всё так же текла на север.

«Я иду, — подумал он. — Не чтобы победить. А чтобы показать, что мы не боимся».

И он пошёл следом за своим войском.

Глава 3. Первая ночь

Когда солнце упало за горизонт, пустыня не стала тише — она заговорила другим голосом. Песок, остывая, потрескивал, будто под кожей земли кто-то шевелился. Ветер не выл, а шептал — короткими, сухими вздохами, и этот шёпот пробирался под льняные плащи, под кожу, туда, где прятался страх.

Лагерь раскинулся неровным полукругом, будто войско само по себе старалось держаться вместе, не рассыпаться по темноте. Костры горели скупой: сухих веток было мало, и их берегли, как последние слова в долгой беседе. Пламя не рвалось вверх, а прижималось к земле, отбрасывая короткие, дрожащие тени, которые казались живыми и чуть опасными.

Храмовые воины сбились в плотную группу у одного из костров. Они не пели, не шутили, не рассказывали историй — вместо этого один из жрецов тихо читал молитву, и слова его тонули в шелесте песка, но он всё равно продолжал, будто если он замолчит, то тишина станет слишком большой и поглотит их всех. Молодой воин, тот самый, что в Фивах всё время поправлял ремень на щите, сидел, сжав колени, и смотрел на огонь так, будто в нём можно было разглядеть дом.

— Не бойся, — тихо сказал ему сосед, постарше. — Песок не ест людей. Он только хочет, чтобы мы помнили, что мы здесь гости.

Юноша кивнул, но взгляда от огня не отвёл.

Чуть дальше, там, где свет костров почти не доставал, стояли нубийцы. Они не жгли лишних огней и не сбивались в кучу. Кашем сидел на корточках, положив лук на колени, и слушал ночь. Рядом с ним молодой нубиец, тот самый, который днём ударил ладонью в грудь и крикнул «Мы с тобой, фараон!», теперь сидел неподвижно, как изваяние, только глаза его скользили по темноте, отмечая каждый шорох.

— Слышишь? — тихо спросил Кашем, не поворачивая головы.

— Песок дышит, — так же тихо ответил юноша.

— Да. Но сегодня он дышит спокойно. Значит, враг далеко.

Они не говорили больше ни слова. Им хватало этого короткого обмена: «слышишь?» — «слышу». Для них тишина была не пустотой, а картой, по которой можно читать, что впереди.

Ветераны устроились отдельной группой, ближе к краю лагеря, туда, где начиналась настоящая пустыня. Нехеси сидел, прислонившись спиной к большому камню, и смотрел не на огонь, а на звёзды. Они висели над ними, острые и холодные, будто осколки разбитого зеркала.

К нему подошёл один из молодых воинов — не из храмовых, а из отряда у порогов, тот самый, что днём слишком гордо выпячивал грудь. Сейчас в его голосе не было гордости, только просьба.

— Сотник, скажи... а правда, что когда идёт войско, пустыня запоминает шаги?

Нехеси чуть усмехнулся — не насмешливо, а устало, как человек, которому много раз приходилось отвечать на этот вопрос.

— Пустыня не запоминает шагов, парень. Она запоминает, кто шёл. Тех, кто не дрогнул. Тех, кто не побежал. А шаги — они стираются песком за одну ночь.

Молодой кивнул, будто принял это как наставление.

— Тогда я постараюсь, чтобы она меня запомнила.

— Лучше постарайся, чтобы тебя запомнили живые, — спокойно сказал Нехеси. — Чтобы дома знали: ты шёл и не отступил. Это важнее, чем пустыня.

Секененра не сел ни к одному костру. Он прошёл по лагерю, прислушиваясь к голосам, к шорохам, к редким смешкам, которые звучали не весело, а как попытка прогнать холод. Он видел, как храмовый юноша всё ещё не отрывает взгляда от огня, как нубийцы сидят в темноте, будто сами стали её частью, как ветераны держатся особняком, зная цену тишине.

Он остановился у самого края лагеря, там, где песок уже не был просто песком, а становился дорогой. Перед ним лежала тьма, и в ней — север, и Апофис, и то, что должно случиться.

К нему тихо подошёл начальник обоза.

— Владыка, — сказал он негромко, чтобы не тревожить ночь. — Вода на утро есть. На день — если экономить. Дальше... дальше будет тяжело.

— Дальше будет так, как будет, — ответил Секененра. — Главное — чтобы люди знали, что у них есть вода хотя бы на сегодня.

Начальник обоза кивнул и ушёл, растворившись в полутьме.

Секененра остался один. Он не молился, не просил богов о чуде. Он просто стоял и слушал, как шепчет пустыня. И в этом шёпоте он слышал не угрозу, а признание: впереди — тяжёлый путь, и никто не обещает, что он будет лёгким. Но он был готов. Не к победе — к тому, чтобы идти.

Где-то в лагере снова зашептали молитву. Где-то хрустнула ветка под чьей-то ногой. Где-то нубиец чуть повернул голову, услышав новый звук, и тут же расслабился — это был просто ночной зверёк, не враг.

Ночь накрыла лагерь, как тяжёлое одеяло. Но под этим одеялом люди не спали. Они ждали рассвета. Ждали, когда тьма станет светом, а тишина — шагами.

Глава 4. Разведка

Ночь не стала легче с рассветом — она просто поменяла цвет. Небо из чёрного сделалось тёмно-синим, будто кто-то протёр стекло, но ещё не пустил солнце. Песок остывал, и от него тянуло холодом, который забирался под льняные плащи и заставлял плотнее сжимать рукояти оружия.

Лагерь ещё спал, но спал чутко. Слышно было, как кто-то ворочается, как храпит старый ветеран, как у костра похрапывают угли. Только у края лагеря, там, где начиналась пустыня, стояли двое часовых — молодой воин из отряда у порогов и пожилой египтянин с седой бородой. Оба смотрели в одну сторону, туда, где темнота переходила в долину, и оба молчали, потому что слова в такую рань только мешали слушать.

Секененра не спал вовсе. Он поднялся ещё до того, как погасли звёзды, и теперь стоял на невысоком гребне над лагерем, глядя туда, где пустыня сужалась в долину — узкое место, где дорога стискивала любого, кто шёл по ней, и не давала скрыться. Он не ждал чудес. Он ждал фактов.

Из темноты бесшумно вышли нубийцы. Они двигались так, будто сами были частью сумерек: ни звона металла, ни скрипа кожи. Впереди шёл Кашем. Его лицо в предрассветных тенях казалось высеченным из камня. Рядом с ним — тот самый молодой нубиец, что днём ударил ладонью в грудь и крикнул: «Мы с тобой, фараон!» Сейчас он не кричал. Он слушал.

— Что видишь? — тихо спросил Секененра, не повышая голоса.

Кашем не стал отвечать сразу. Он опустил на одно колено, приложил ладонь к земле и замер. Остальные нубийцы застыли вокруг него, как статуи, только глаза их бегали по горизонту.

Прошло несколько долгих ударов сердца.

— Земля тёплая, — наконец сказал Кашем, не поднимая головы. — Совсем чуть-чуть. Но тёплая. Значит, кто-то прошёл здесь недавно. Не стадо, не одиночки. Отряд.

Молодой нубиец наклонился и провёл пальцами по песку. На нём остались лёгкие бороздки — не от ног, а от чего-то длинного, что тащили по земле.

— Повозка, — тихо сказал он. — Или что-то вроде. Но не наша.

Кашем кивнул, соглашаясь.

— Следы старые. Полдня, может, чуть больше. Они шли быстро, но не скрывались. Считали, что впереди никого нет.

— А теперь есть, — спокойно сказал Секененра.

Он не стал радоваться находке. В ней не было победы — только подтверждение того, чего он и так боялся: враг уже двинулся на юг, и встреча была не вопросом «если», а вопросом «когда».

— Возьми четверых, — сказал он Кашему. — Идите по следу. Не в бой — на глаза. Мне нужно знать, сколько их и куда они держат путь. И как только увидите что-то серьёзное разезда — возвращайтесь. Не геройствуйте. Мне нужны живые глаза, а не мёртвые герои.

Кашем чуть наклонил голову — единственный его поклон, который был равен целой клятве.

— Мы увидим, — сказал он. — И не пропустим.

Он выбрал четверых — не самых сильных, а самых тихих. Среди них был и молодой нубиец, тот, что кричал днём. Кашем посмотрел на него, помолчал и всё же кивнул: иди. Юноша даже не улыбнулся — просто сжал лук и шагнул в темноту первым, потому что знал: в разведке первым идёт не самый смелый, а тот, кто умеет не оставлять следов.

Нубийцы растворились в предрассветной дымке так же бесшумно, как появились. Только песок чуть шевельнулся и снова застыл.

Секененра ещё немного постоял на гребне. Теперь пустыня выглядела иначе. Она больше не была просто дорогой — она стала полем, на котором уже начали расставлять фигуры.

Нубийцы шли долго. Солнце поднималось, и вместе с ним поднималась жара — сначала мягкая, потом всё более злая, пока песок не начал обжигать даже сквозь сандалии. Они двигались не по прямой, а зигзагом: Кашем читал землю, как читают свиток, и там, где след терялся, он находил его снова по едва заметным примятостям, по потрескавшейся корке, по тому, как лежали редкие сухие травинки.

След вёл к сухому руслу — пересохшему рукаву давней реки, который тянулся вдоль долины и давал хоть какое-то укрытие от солнца. Кашем остановился у самого края русла и поднял руку. Все замерли.

— Здесь, — прошептал он.

Молодой нубиец подполз ближе и увидел то, что заставило его сердце сжаться: на песке, у самого входа в русло, стояла та самая повозка. Не египетская. У египтян таких не было — тяжёлая, с высокими бортами, окованная, на двух больших колёсах. И рядом с ней — следы копыт. Много. Не меньше десятка.

— Разезд, — прошептал Кашем. — Может, два. Идут вдоль русла. Наверное, охраняют путь для основных сил.

Он уже хотел дать знак отходить, как вдруг один из нубийцев, шедший впереди всех, резко остановился и присел. Он что-то услышал.

Из-за поворота сухого русла, шагах в пятидесяти, показались люди. Не колесницы — всадники. Четверо, на низких быстрых лошадях, с копьями и короткими луками. Гиксосы. Они ехали медленно, оглядываясь по сторонам, но без тревоги — как едут те, кто считает, что земля вокруг давно своя.

Кашем замер. Он не боялся четверых — четверых они могли взять тихо. Но за этими четырьмя могли идти другие, и тогда разведка превратится в бой, а бой — в потерю, которую он не имел права принести фараону.

Он уже поднял руку, чтобы дать знак отойти, — и в этот момент молодой нубиец, тот, что кричал днём, оступился. Совсем чуть-чуть. Под его сандалией хрустнула пересохшая ветка.

Звук был маленький, как вздох. Но в этой тишине он прозвучал, как удар.

Один из всадников мгновенно повернул голову. Он не успел увидеть их — нубийцы уже лежали в песке, слившись с землёй, — но он почувствовал, что здесь что-то не так. Он поднял

руку, и весь разъезд остановился. Всадники начали медленно, шаг за шагом, приближаться к краю русла.

Кашем принял решение за одно дыхание.

— Ты, — прошептал он молодому нубийцу, — уходи. Беги к лагерю, скажи фараону: разъезд, не меньше десяти, идут вдоль русла на юг. Живо.

— Я останусь...

— Ты уйдёшь. Ты самый быстрый. И ты знаешь дорогу. Это приказ, а не просьба.

Юноша сжал зубы, но кивнул. Он пополз назад, в тень, и через мгновение его уже не было — только песок чуть шевельнулся там, где он прополз.

А Кашем остался. Остался с тремя, потому что понимал: если эти всадники уйдут и предупредят своих, то завтра войско фараона встретит не разъезд, а всю армию — там, где её не ждут. Нужно было выиграть время. Нужно было сделать так, чтобы разъезд не вернулся.

Он поднял лук. Бесшумно, медленно, как поднимают руку во сне. Тетива натянулась. Всадники были уже близко — шагах в двадцати, и один из них наклонился, всматриваясь в следы на песке.

Стрела ушла в воздух и вошла ему в горло под самым подбородком. Он не вскрикнул — просто осел с лошади, и кровь залила песок тёмным пятном.

Остальные трое заорали, разворачивая лошадей. Но нубийцы уже встали в полный рост, и второй, третий, четвёртый выстрелы ушли один за другим — быстро, точно, без пауз. Двое всадников упали. Третий успел развернуться и пустить стрелу — она прошла мимо, вжикнув у самого уха Кашема. Четвёртый, самый опытный, разгадал, откуда опасность, и погнал коня прямо на них.

Тогда Кашем бросил лук и выхватил меч. Он шагнул навстречу всаднику — один, без щита, зная, что от лошади не убежать. Он поднырнул под копьё, рубанул по ноге лошади, и та, взвизгнув, рухнула, подминая под себя седока. Всадник вылетел на песок, попытался встать, но второй удар Кашема закончил всё.

Стало тихо.

Слишком тихо.

Кашем стоял, тяжело дыша, и смотрел на четыре тела. Победа — если это можно было так назвать. Но радости не было. Он знал: если хоть один из разъезда успел уйти — а кто-то из них мог, — то завтра сюда придут другие, и их будет не четверо.

Он обернулся к своим. Трое стояли. Все живы. Он уже хотел дать знак уходить, как вдруг один из нубийцев, молодой, но с глазами старого бойца, медленно опустил на колено и замер. Стрела — та самая, что вжикнула мимо Кашема, — всё-таки нашла цель. Она вошла ему в бок, под ребра, и он не вскрикнул, а просто сел в песок, будто устал.

— Не... — начал он, но слова не шли.

Кашем подбежал, опустился рядом, приподнял ему голову. Рана была сквозная и глубокая. Кровь шла сильно, и с каждым вздохом её становилось больше.

— Держись, — сказал Кашем тихо, зная, что это ложь.

Юноша посмотрел на него. В его глазах не было страха. Только какая-то тихая, почти детская досада — как у человека, который добежал почти до конца дороги и понял, что не успеет.

— Мы... с тобой, фараон... — прошептал он — те же самые слова, что крикнул днём, только теперь они звучали совсем иначе. Тише. Твёрже. Как клятва, которую произносят уже не для других, а для себя.

И затих.

Кашем не закрыл ему глаза сразу. Он посидел над ним ещё немного, держа его голову на ладони, будто это могло что-то изменить. Потом осторожно положил, провёл рукой по лицу, закрывая веки, и поднялся.

— Уносим его, — сказал он коротко. — И уходим. Здесь оставаться нельзя.

Двое нубийцев взвалили тело на плечи — не бросили, не оставили в песке на съедение шакалам, а понесли. Это было тяжело и медленно, но так было правильно. Своих не оставляют даже мёртвыми.

Солнце уже стояло высоко, когда они вернулись к лагерю. Их заметили издалека — по тому, как шли: медленно, тяжело, с телом на плечах. В лагере стало тихо. Даже те, кто никогда не видел нубийцев, поняли: случилось что-то плохое.

Секененра вышел навстречу. Он посмотрел на тело, потом на Кашема — и ничего не спросил. По лицу Кашема он понял всё: разъезд был, разъезд уничтожен, но за это заплачено.

— Сколько их было? — спросил он тихо.

— Четверо, — ответил Кашем. — Мы взяли всех. Но они шли впереди больших сил. Завтра здесь будет больше.

Секененра кивнул. Он не стал говорить пустых слов утешения. Он подошёл к телу, опустился на колено и накрыл своей ладонью холодную руку юноши.

— Как его звали? — спросил он.

— Тахарка, — сказал Кашем. — Он был быстр. Быстрее всех.

Секененра поднялся.

— Его похоронят с честью, — сказал он. — Как воина, который погиб первым. И все узнают его имя.

Он обернулся к лагерю. Люди смотрели на него — сотни глаз, в которых был страх, но была и решимость. И тогда он сделал то, что должен был сделать: не спрятал смерть, не приукарил её, а назвал вещи своими именами.

— Мы потеряли воина, — сказал он громко, так, чтобы слышали все. — Это только начало. Будут ещё потери. Я не обещал вам, что мы вернёмся. Я обещал вам только одно: мы не отступим. Тахарка не отступил. И мы не отступим.

Тишина держалась ещё мгновение. А потом кто-то — не нубиец, а простой египтянин из отряда у порогов — ударил копьём в землю. Раз. Другой. Третий подхватил. И этот звук — глухой, ровный, как биение сердца — прошёл по всему лагерю. Не крик. Не «ура». Просто ритм: мы здесь. Мы с тобой. Мы не уйдём.

Глава 5. Перед встречей

Солнце стояло уже высоко, и тень от камней стала короткой, почти незаметной. В лагере не было суеты — была работа. Тихая, тяжёлая, собранная. Каждый знал, что делать, и делал это без лишних слов.

У ряда ветеранов Нехеси сидел на корточках у связки копий и по очереди брал каждый наконечник, проводил по нему пальцем, проверяя зазубрины, и, если находил хоть одну, тут же отправлял к точильщику. Рядом стоял молодой воин из отряда у порогов — тот самый, что вчера слишком гордо выпячивал грудь. Сегодня он не выпячивал. Он просто стоял и смотрел, как старый сотник работает.

— Не смотри на блеск, парень, — тихо сказал Нехеси, не поднимая глаз. — Блеск — это для дворцов. А в бою нужна кромка. Чтобы она держала. Чтобы не соскользнула.

Он взял одно копьё, протянул ему:

— Держи. Теперь ты проверь. Не глазами — пальцами. Скажи, чувствуешь?

Юноша провёл подушечкой пальца по острию — осторожно, чтобы не порезаться.

— Тут... чуть мягче, — неуверенно сказал он.

— Вот и понеси к точильщику, — кивнул Нехеси. — И скажи ему: «Сотник велел». Пусть не думает, что это каприз.

Юноша взял копье и пошёл, держа его не как оружие, а как что-то хрупкое, что нельзя уронить.

В стороне, у другого костра, храмовые воины заканчивали последнюю молитву. Слова были старые, знакомые, те, что шептали ещё их деды. Но сегодня они звучали иначе — не как просьба о чуде, а как обещание: мы не побежим. Юноша, что всё время поправлял ремень на щите, теперь не трогал его вовсе. Он просто держал щит ровно, чувствуя, как дерево врежется в плечо, и понимал: это не тяжесть — это опора.

Рядом с ними, в тени большого камня, Кашем раздавал нубийцам новые тетивы. Они были тоньше обычных, но крепче — из сухожилий, скрученных особым способом. Он не говорил про храбрость. Он говорил про точность.

— Бейте в шею, — тихо повторял он, глядя каждому в глаза. — Не в грудь. У египтян щиты из кожи бегемота, у гиксосов — бронзовые пластины. Шея — это цель. И ещё — не стреляйте на бегу. Один выстрел — один человек. Не тратьте стрелы на воздух.

Молодой нубиец, который нёс тело Тахарки, кивнул. В его глазах не было злости. Была тишина — такая, какая бывает, когда ты уже видел смерть и знаешь, что она не любит спешки.

А Секененра в какой-то момент отошёл от всех. Он не ушёл далеко — просто сел на плоский камень у обоза, закрыл глаза и выдохнул. На одну минуту он перестал быть фараоном, перестал быть тем, кто должен знать всё и решать всё. Он стал просто человеком, который помнит, как пахнет пыль на дороге, как дрожат руки у молодых, как тяжело нести на себе чужую надежду.

Он вспомнил имя Тахарки. Вспомнил, как тот кричал днём: «Мы с тобой, фараон!» — и как потом прошептал это же перед смертью. И подумал: я не могу обещать, что никто больше не умрёт. Но я могу обещать другое — что мы не отступим.

Когда он открыл глаза, перед ним уже стояли Кашем, Нехеси и начальник обоза. Они не спрашивали, что делать. Они ждали, что он скажет.

Секененра поднялся. Не для того, чтобы казаться выше. Просто чтобы все его видели.

— Мы не знаем, сколько их, — сказал он, не повышая голоса. — Мы не знаем, когда они придут. Мы знаем только одно: они идут. И мы здесь. Мы не уйдём.

Тишина повисла на мгновение — не пустая, а полная. Потом Нехеси коротко кивнул. Кашем чуть наклонил голову. Начальник обоза молча сжал кулаки.

— Пусть каждый знает своё место, — добавил Секененра. — Пусть каждый помнит: мы не грабители. Мы защитники. И сегодня мы защищаем не только землю — мы защищаем тех, кто остался дома.

Где-то в задних рядах кто-то тихо постучал древком копья о землю. Потом ещё один. И ещё. Ритм был неровным, но настоящим — как биение сердца, которое не пытается казаться храбрее, чем оно есть.

Глава 6. Первый удар

Горизонт долго был пустым — только дрожащий воздух над песком, будто сама земля пыталась что-то сказать. Но потом в этой пустоте появилась тонкая тёмная линия. Она не двигалась резко — она росла, как тень, которая становится длиннее с каждым мгновением.

Секененра стоял на гребне и смотрел туда, где пустыня переходила в долину. Он не щурился, не пытался разглядеть детали — он уже знал, что увидит. И когда линия стала не просто линией, а отдельными точками, а точки — всадниками, он просто кивнул сам себе. Это был тот самый момент, которого он ждал: не «если», а «когда».

— Они идут, — тихо сказал начальник обоза, встав рядом. — Колесницы?

— Пока только конница, — ответил Секененра. — Значит, основные силы чуть позади. У нас есть время. Но не много.

Кашем подошёл бесшумно, как всегда.

— Мои люди на позициях, — сказал он. — Если пойдут вперёд, мы срежем первых стрелами. Но если они пустят колесницы...

— Тогда мы встретим их копьями, — спокойно закончил Секененра. — Мы знали, на что идём.

Где-то в рядах ветеранов Нехеси тихо, но так, чтобы слышали все, произнёс:

— Держите строй. Не смотрите на лошадей. Смотрите на людей. Лошадь можно остановить. Человека — только сталью.

Храмовые воины стояли плотнее, чем раньше. Их щиты теперь не дрожали — они легли на плечи, как камни, и держали. Среди них был тот самый юноша, что вчера всё время поправлял ремень. Сейчас он его не трогал. Он просто держал щит ровно, чувствуя, как дерево врежется в плечо, и думал не о том, как бы не упасть, а о том, чтобы не сдвинуться ни на шаг.

Первая стрела пришла не с криком, а с тихим, злым свистом. Она пронеслась мимо уха юноши, вжикнула где-то рядом и воткнулась в песок. Он даже не дёрнулся. Только крепче прижал щит к плечу, так, что дерево впилось в кожу, и понял: вот она, опора. Не в золоте, не в молитвах, а в этом тяжёлом, шершавом дереве, которое держит его живым.

Следом за первой стрелой пришла вторая, третья — не тучей, а редкими, злыми уколами, будто враг прощупывал, где дрогнут. И где-то в середине строя один молодой воин всё-таки отшатнулся, прикрыл лицо рукой. Но рядом стоящий ветеран не стал кричать на него. Он просто шагнул чуть вперёд, закрывая его своим щитом, и спокойно сказал:

— Смотри на меня. Не на небо. На меня. Пока я стою, ты стоишь.

И юноша посмотрел. И увидел не страх, а спокойствие — то самое, которое приходит, когда ты уже принял: бежать некуда, и остаётся только стоять.

А потом из-за горизонта вышли колесницы. Они не мчались сломя голову — они шли ровно, как идут те, кто привык, что земля перед ними расступается. Бронзовые диски на колёсах блестели на солнце, и этот блеск был похож на насмешку.

Секененра не стал ждать, пока они подойдут ближе. Он поднял руку — не для пафоса, не для крика, а просто чтобы все его видели.

— Держать строй, — сказал он спокойно. — Не рваться вперёд. Пусть подойдут. Пусть увидят, что здесь им не рады.

Колесницы остановились шагах в двухстах. Вперёд выехал всадник — не простой воин, а командир. Он поднял копьё и что-то крикнул — слова донеслись неясно, но смысл был понятен: «Сдавайтесь, и мы пощадим тех, кто сложит оружие».

Секененра даже не шевельнулся. Он просто смотрел на этого всадника — на его броню, на его уверенную посадку, на то, как он ждёт, что сейчас перед ним опустятся копьё. И тогда Кашем тихо, почти шёпотом, сказал:

— Сейчас.

Первый залп нубийских стрел ушёл в воздух — не в толпу, а точно в командира. Стрелы не долетали, но ложились рядом, в песок, показывая: мы видим тебя. Мы знаем, где ты.

Всадник резко осадил коня. Уверенность на его лице дрогнула. Он понял: перед ним не толпа, которую можно разогнать. Перед ним — стена. И эта стена не собирается сдаваться.

Он развернул коня и поехал назад, к своим. Колесницы постояли ещё мгновение, будто не веря, что их остановили одним взглядом и несколькими стрелами, а потом начали медленно разворачиваться.

Но это не было победой. Это была только первая схватка взглядов. И все в строю это знали: враг ушёл не потому, что испугался, а потому, что решил вернуться с большей силой.

Земля ещё дрожала от копыт. Песок оседал. А строй стоял.

Глава 7. После первого удара

Когда последние копыта растворились в дрожащем воздухе над долиной, тишина не пришла как облегчение. Она легла тяжёлым покрывалом — не добрым, а честным: она не обещала, что дальше будет легче. Она просто говорила: «Теперь ты знаешь, что они были здесь. И что они вернутся».

Строй не рассыпался. Люди не бросились обниматься, не закричали «ура», не стали хлопать друг друга по плечам. Они просто стояли, тяжело дыша, и смотрели туда, где ещё недавно была тёмная линия, а теперь снова был только пустой горизонт. Кто-то опустил щит и тут же снова поднял — будто боялся, что если опустит совсем, то уже не сможет его удержать. Кто-то провёл ладонью по лицу, стирая пот и пыль, и только тогда понял, что пальцы у него дрожат.

Секененра не торопился говорить. Он стоял на гребне и смотрел на своих людей — не как на войско, а как на тех, кто сегодня впервые по-настоящему понял цену этой дороги. Он видел храмового юношу, который всё ещё прижимал щит к плечу так, будто боялся, что тот исчезнет. Видел ветеранов, которые молча проверяли наконечники копий, будто хотели убедиться, что сталь не подвела. Видел нубийцев, которые не радовались первому залпу — они знали, что это был не бой, а предупреждение.

К нему подошёл Кашем. Он не кланялся, не искал слов, чтобы звучать достойно. Он просто встал рядом и сказал тихо, чтобы слышали только они двое:

— Они вернутся, — произнёс он. — В следующий раз не будут останавливаться и кричать «сдавайтесь». В следующий раз они пойдут прямо на нас. И поведут за собой колесницы, которые мы не сможем остановить одними стрелами.

Секененра кивнул. Ему не нужно было спрашивать, откуда Кашем это знает. Он знал сам: враг не отступил от страха. Он отступил, чтобы вернуться сильнее.

— Значит, мы должны быть готовы к тому, что нельзя остановить, — спокойно ответил Секененра. — Мы не можем обещать, что их будет меньше. Но мы можем обещать другое: что мы не дрогнем.

Он не стал кричать это на весь лагерь. Но он не стал и шептать. Он просто спустился с гребня и пошёл вдоль строя, глядя каждому в глаза — не чтобы проверить, не чтобы пристыдить, а чтобы каждый увидел: фараон тоже дышит тяжело, тоже чувствует, как песок скрипит на зубах, тоже знает, что впереди будет тяжелее.

У ряда храмовых воинов он остановился рядом с тем самым юношей. Тот всё ещё держал щит ровно. И теперь уже не потому, что боялся его уронить, а потому, что понял: щит — это не тяжесть, которую нужно терпеть, это стена, которую ты держишь для всех остальных.

— Ты сегодня стоял, — тихо сказал ему Секененра. — И ты не побежал. Этого достаточно. Но завтра этого будет мало. Завтра нам придётся стоять так, чтобы даже песок под ногами знал: мы не уйдём.

Юноша сглотнул, но взгляда не отвёл.

— Я буду стоять, — сказал он. — Я не подведу.

— Не обещай, — спокойно ответил Секененра. — Просто будь готов. И если завтра тебе станет страшно — не прячь это. Страх не делает тебя слабым. Слабым делает то, когда ты позволяешь ему толкнуть тебя назад. А ты не позволяй.

Он пошёл дальше. У ряда ветеранов он остановился рядом с Нехеси.

— Сколько у нас копий с хорошей кромкой? — спросил он прямо.

Нехеси чуть прищурился, будто считал не только копья, но и людей, которым их придётся держать.

— Достаточно, чтобы встретить их, — ответил он. — Не для того, чтобы победить. Но для того, чтобы не дать им пройти.

Это тоже была правда. Не сладкая, не утешительная, а та, на которой можно стоять.

А потом Секененра подошёл к обозу, где начальник уже пересчитывал фляги и хмурился.

— Воды хватит на день, — сказал начальник, не поднимая глаз. — Если экономить. На два — только если не будет боя.

— Бой будет, — спокойно сказал Секененра. — Но мы будем экономить. Пусть каждый знает: вода — это не просто питьё. Это время. Время, чтобы стоять.

Когда он снова поднялся на гребень, солнце уже клонилось к закату, и тени стали длинными, почти чёрными. Кашем стоял там же, где и раньше, и смотрел в ту сторону, откуда пришли всадники.

— Что ты видишь? — спросил Секененра.

— Ничего, — ответил Кашем. — И это самое плохое. Когда пустыня молчит, значит, она что-то прячет.

Они стояли рядом и смотрели на пустой горизонт. И в этом молчании было больше слов, чем в любой речи.

Где-то в лагере тихо ударили копьём о землю — один раз, второй. Не для храбрости, а чтобы просто почувствовать ритм: мы здесь. Мы стоим. Мы не уйдём.

Глава 8. Ночь перед главным ударом

Ночь была не тёмной, а густой — такой, что даже звёзды казались не огоньками, а прорезями в тяжёлой ткани. Костры горели скупно, экономя дрова, и от этого тени лежали плотнее, будто пытались удержать людей на месте, не дать им расступиться.

Секененра отошёл от всех. Он не искал уединения — он просто хотел, чтобы никто не видел, как он достаёт маленький кожаный мешочек, который носил на шнурке под льняной рубахой. Внутри была щепотка песка с порога родного дома, прядь его волос, которую обрезают на совершеннолетие, перевязанных старой лентой — её когда-то вплели в его волосы на праздник, да так и оставили, потому что она была цвета утреннего неба. И ещё — крошечный обломок глиняного амулета, который мать повесила ему на шею, когда он впервые взял в руки короткий меч. Он не верил в магию, но верил в память. Память держала крепче любого заклинания.

Он сел на камень, достал обрывок папируса и вывел несколько строк — не для того, чтобы передать, не для вестника, а просто чтобы слова легли на бумагу и перестали кружиться в голове:

«Если я не вернусь, знайте: я не отступил. Я стоял там, где должен был стоять. И я делал то, что должен был делать. Пусть это будет достаточно».

Он свернул папирус, спрятал его обратно в мешочек и затянул шнурок. Не как завешание. Как якорь.

В стороне, у самого края лагеря, Нехеси собрал вокруг себя молодых воинов. Они не стояли строем — они сидели на корточках, слушая его тихий голос, который в этой тишине звучал громче любого крика.

— Когда пойдут колесницы, земля будет дрожать, — говорил он, глядя каждому в глаза. — И вы подумаете, что дрожит не земля, а вы сами. Это нормально. Но слушайте меня: не смотрите на лошадей. Смотрите на всадников. Лошадь боится копья. Она отпрянет. Человек — нет. Человек будет давить шпорами и кричать. Но человек устаёт. Он устаёт быстрее, чем кажется. Держите строй, пока он устаёт. Пусть он бьётся о вас, как волна о скалы. Волна уходит. Скалы остаются.

Молодой воин, тот, что вчера слишком гордо выпячивал грудь, теперь не выпячивал. Он просто кивал, запоминая каждое слово, как запоминали бы молитву.

Рядом, в тени большого камня, Кашем проверял луки. Он не торопился, не дёргал тетиву — он слушал, как дерево отзывается на прикосновение. Для него лук был не просто оружием, а продолжением руки, и если рука дрожала, лук это чувствовал.

Один из молодых нубийцев стоял рядом, сжимая лук так, будто хотел сломать его. Руки у него дрожали — не от холода, а от того, как сильно он старался не дрожать.

Кашем заметил это. Он не стал говорить «будь храбрее». Он просто положил ладонь ему на плечо — тяжёлую, спокойную, как камень у дороги.

— Дыши, — тихо сказал он. — Стрела любит тишину. Если ты выстрелишь на вдохе — она уйдёт мимо. Если на выдохе — она найдёт цель. Не торопись быть героем. Будь точным.

Юноша сглотнул, разжал пальцы, потом снова взял лук — уже мягче, как берут что-то хрупкое, что нельзя уронить.

А у костра храмовых воинов сидел тот самый юноша, который всё время поправлял ремень. Сейчас он не трогал ни ремень, ни щит. Он просто прижимал щит к груди, как прижимают что-то родное, когда становится страшно. Щит уже не казался ему тяжестью — он стал опорой, стеной, которую он держит не только для себя, но и для тех, кто стоит рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.